

наследие

Стеклянные высоты взорвали изнутри структуру исторических центров крупных городов и начинают радикально влиять на сложившуюся структуру городского каркаса. В современных городах, переживающих новый строительный бум, который можно назвать «стеклянной революцией» сосуществуют различные социальные группы с разным пониманием порядка. И то, что для одних является хаосом, упадком, деградацией, для других – норма, порядок иного уровня. Странники-индивидуалисты, ушедшие в дебри виртуального мира, озабочены законами и порядками виртуального мира. Они спокойно относятся к хаосу городской застройки. Язык исторической архитектуры непонятен для них. Стеклянная поросль новостроек воспринимается как норма.

Ключевые слова: строительный бум, стеклянная революция, восприятие порядка и хаоса, изменения городского каркаса, язык архитектуры, виртуальный мир. /

Glass highrises have blown up the inner structure of historical centers in big cities and begin to radically influence on the existing urban structure. Today cities experience a new construction boom, which can be called a 'glass revolution'. Here different social groups with different comprehension of order coexist. What some people perceive as chaos, decay, degradation, others consider as a norm and order on a different level. While wandering in the virtual world, individualists worry about laws and order of the virtual world. They are comfortable with the chaos of urban fabric. The language of historical architecture is strange to them. The springs of glass highrises are perceived as a norm.

Keywords: construction boom; glass revolution; perception of order and chaos; changes in the urban structure; language of architecture; virtual world.

Стеклянная революция и странники виртуального мира /

Glass Revolution and Wanderers in the Virtual World

Инфернальные картины мегаполиса сменяются идиллическими картинами природы. Так начинается фильм Андрея Тарковского «Солярис», который был выпущен на экраны 20 марта 1972 года.

Архитектура космической станции в «Солярисе» тем, кто смотрел фильм более 30 лет назад, казалась фантастически новой. Студенты-архитекторы 70-х годов XX века и их взрослые коллеги рисовали в своих проектах кольцевые коридоры и жилые ячейки со встроенной мебелью. Им казалось, что эти проекты в будущем осчастливят человечество. Им виделись города с высотными, в пятьдесят этажей и выше, стеклянными башнями, скоростные автострады с многоуровневыми транспортными развязками, автомобили, похожие на летающие тарелки... Архитектурные теоретики писали книги о футурологии жилища et cetera...

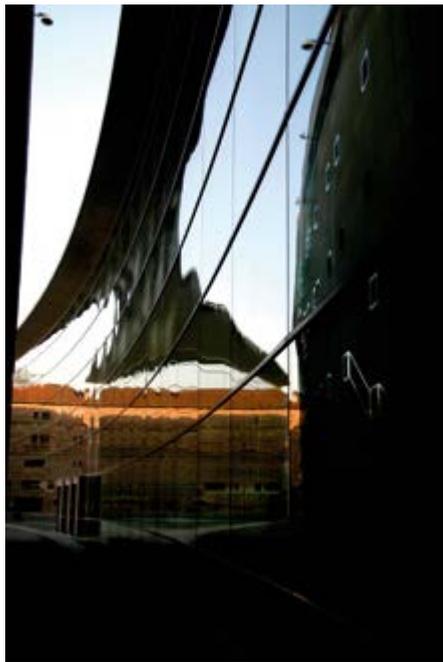
И вот почти через сорок лет после выхода в свет «Соляриса» мечты бывших студентов-архитекторов осуществились. Города заполнили высотные стеклянные башни, появились многоуровневые развязки и машины, похожие на летающие тарелки. Кольцевые коридоры и круглые окна стали общим местом. И, подобно фатально одиноким и разобщенным обитателям космической станции, жители современных стеклянных домов-муравейников пытаются как-то обжить стандартные ячейки своих квартир. Иногда это удается, и пространство становится теплым за счет предметов, имеющих историю и индивидуальность. Но внешнее по отношению к

крохотной квартирке пространство, как правило, остается необжитым и враждебным, как космос за круглыми окнами межпланетной станции.

Конечно, в современных городах внешнее пространство может быть теплым и освоенным. Европа дает огромное количество примеров. Но там городскую среду не чистят так варварски от пластов исторической памяти, как это сегодня происходит в России. Понятно, что реставрация и реконструкция рядовой застройки и памятников архитектуры обходится значительно дороже нового строительства. Понятно, что создавать в городах охранные зоны для исторической застройки экономически не выгодно.

Есть еще один аспект этой проблемы: воспоминания, зашифрованные в материальных свидетельствах прошлого, мало кто может прочесть. Если ключ к шифру утерян, старые камни будут молчать, и со временем их просто уберут за ненадобностью. А еще нужна упорядоченность городской среды, понятная и востребованная социумом, поскольку упорядоченность всегда имеет конкретно-временные черты. Строгая симметрия идеальных городов XVIII века была прекрасна на бумаге, но общество не было готово к столь жесткой перестройке города в целом. В результате появились дворцовые комплексы, где идеи жесткой упорядоченности нашли реализацию. Они были островками в море плотной застройки, сложившейся в предшествующие века. В этой застройке понимание порядка было совершенно иное. И получалось, что в одном и том же городе

существуют два параллельных мира с разной культурой и разным представлением о порядке и хаосе. Для жителей дворцов враждебной была застройка ремесленных кварталов, рыночных площадей, а для плебса дворцовые комплексы были запретным, холодным, почти нереальным пространством. И лишь соборы объединяли всех.

Возможно, в современных городах, переживающих новый строительный бум, который можно назвать «стеклянной революцией», тоже сосуществуют различные социальные группы с совершенно разным пониманием порядка. И то, что для одних является хаосом, упадком, деградацией, для других – норма, порядок иного уровня.

Плач по погибшей рядовой застройке и памятниках предшествующих эпох весьма популярен в среде архитекторов, искусствоведов, деятелей науки и культуры. Вряд ли скорбят по утраченным архитектурно-художественным ценностям скалярно мыслящие категориями выгоды и прибыли инвесторы стеклянных небоскребов и похожих на промышленные здания торгово-развлекательных центров и пр.

В архитектурной среде никто не будет оспаривать утверждение, что не стоит сносить старые дома, в которых прячется дух места, что город без разновременной застройки теряет индивидуальность. Это утверждение давно стало банальностью. Но те же самые архитекторы, тонко понимающие прелести исторической архитектуры, проводящие свои отпуска в Риме, Лондоне, Париже, Праге, проектируют и строят в центрах исторических городов России стеклянные многоэтажные громады, не думая о том, что силуэтные характеристики любого города могут быть невосполнимо утрачены или испорчены. Пятидесятиэтажная башня, даже одна единственная, – не безобидна. А если их много, а если они выше ста этажей?

Встает вопрос: почему заказчики хотят именно такие здания? Соображения экономики? Подражание? Кто, наконец, инициатор «стеклянной революции»? Какой группе населения это выгодно? Короче говоря, на кого работают архитекторы и строители?

Бетонные этажерки, облицованные стеклянными панелями, поначалу казались такими технологичными, гладкими, так красиво отражали зелень, старую архитектуру, небо и солнце, что не вызывали опасений. Но отражавшаяся в них историческая архитектура очень скоро оказалась подавленной ледяными

монстрами. Стеклянные высоты взорвали изнутри структуру исторических центров крупных городов. И рядом с ними милыми показались даже хаотичные и загаженные промышленные зоны прошлого столетия. Заговорили даже об их арт-освоении. Провели пару-тройку инсталляций на промышленных руинах. Перестроили под элитное жилье несколько старых цехов, озеленили территорию, раскрасили и расставили пластиковых петухов, ишаков и коров. Кое-где занавесили напечатанными на баннерах деревьями то, что казалось уж совсем неприглядным.

А в архитектурной науке не так давно появилось слово «видеоэкология». Само его появление симптоматично, ведь изучать и охранять мы бросаемся те явления, которые безвозвратно уходят. Еще сорок лет назад слово «экология», ныне уже набившее оскомину, было в диковинку. В «Литературной газете» за 1972 год в статье, посвященной «Соляристу» Тарковского корреспондент писал: «Экология, слово, которое мы и не слышали прежде, становится не просто модным, но выражает какую-то насущную потребность человечества...»

Сегодня экологические «страшилки» перестали пугать: конечно, все плохо, все испорчено, но живем же как-то, возможно превращаясь потихоньку в мутантов. Вопрос в следующем: а может быть, мутантам и не нужно теплое, внешнее по отношению к их стандартным жилищам ячейкам пространство? Может быть, они чувствуют себя странниками, путешествующими по пустыне от одного небоскреба к другому и оставляют на старых домах «зарубки» в виде граффити, чтобы как-то обозначить свое существование. Не нужны им старые особняки, доходные дома и соборы. Упорядоченная и разнообразная виртуальная среда, в которую они погружены, избыточна для их сознания, и там не остается места для ценностей, которыми жили предшествующие поколения и еще продолжают жить те, кого в России принято называть интеллигентами. У этой группы населения другие представления о жизни, и стеклянные этажерки для них – «прикольнo» и «круто». Ведь недаром подростки в Неаполе, Москве, Праге покрывают стены граффити, отгораживаясь несоразмерными рисунками и надписями от архитектурной среды, освоить которую иначе они просто не в состоянии.

Странник-индивидуалист, перемещающийся на скоростном

автомобиле по пустыне мегаполиса от оазиса к оазису, – ныне весьма распространенный в кино образ. Распространено это явление и в жизни. Отсюда спокойное отношение общества к хаотичной застройке высотными стеклянными призмами, цилиндрами и прочими трехмерными геометрическими объектами центров городов, к появлению огромных торгово-развлекательных сараев на окраинах,

И в противовес к этому всему – коттеджные поселки с домиками, напоминающими весьма отдаленно то, что строили для себя

состоятельные люди в XIX веке. У каждого домика кирпичный трехметровый забор – огороженная, частная территория. Коттеджные поселки плодятся в России рядом с крупными городами как грибы. И там, в своем доме, на природе живут состоятельные люди, оставляя города погруженным в виртуальную реальность представителям новых поколений и тем, кто еще сражается с бульдозерами, сносящими старые дома.

В архитектурных фантазиях Бродского и Уткина, русских лидеров «Бумажной архитекту-

ры» середины 80-х – начала 90-х годов, еще четверть столетия назад прослеживалась ностальгия по уходящему в прошлое архитектурному раю. Бродский и Уткин рисовали архитектурные фантазии, в которых осколки архитектурных шедевров взрывались и парили в разряженном пространстве города будущего. Чего стоит только образ бесконечных стеклянных стен, вкопанных в песок! В какой-то мере этот образ был предвидением, высоко оцененным в профессиональном мире. Ничего сопоставимого со своими «бумажными» проектами ни

Уткин, ни Бродский впоследствии не сделали. То, что они проектировали и строили в 90-х годах и позже, известным в архитектурном мире не стало и революции не сделало.

Но революционные изменения в городской среде росли исподволь и не казались до поры до времени страшными. (Вспомним, еще в 1916 году многим и в кошмарном сне не могло присниться то, что предстояло пережить Российской империи. В октябре 1917 года многие думали, что все образуется. Так и архитекторы в 80-х годах XX века рисовали грустные фантазии и думали, что все

образуется: и архитектурные шедевры останутся целыми, и стеклянные громады как-нибудь будут с ними сосуществовать.)

«Панельно-бетонная революция» XX века тоже начиналась исподволь и, конечно, не прошла бесследно. Власть имущие в 20–30-х годах снисходительно смотрели на детские баталии конструктивистов и рационалистов. Политическая воля в один момент перестроила профессиональное сознание архитектурного сообщества, и классицисты вновь оказались в фаворе. Потом снова положение резко изменилось, и в начале 60-х «панельно-бетонная» революция получила второе дыхание.

Примитивные коробки 60–70-х годов XX века внесли изрядный хаос в разновременную историческую застройку, сделали новые районы безликими. Сейчас эти коробки столь безобразны, что их не жалко и взорвать. Были бы на это деньги. Город ничего не потеряет, утратив их. Но что идет на смену? Бетонные этажерки, одетые в стеклянные панели?

И все-таки хаос «панельно-бетонной революции» XX века не был тотальным, поскольку не были затронуты высотные и силуэтные характеристики городов с многовековой историей. Они сохранили свою индивидуальность.

Так ли она ужасна «стеклянная революция»? Ведь не первый катаклизм переживает градостроительство. Может быть, и они вступят в городскую ткань? Наверное, все же этого не случится, поскольку

в городах уличная сеть не справляется с потоком транспорта, и скоростные магистрали стали подниматься на эстакады на уровне 10–15-го этажа. А это означает, что рождается новый каркас города, соответствующий стеклянным громадам. Пространство старого города, попавшее под эти эстакады, быстро деградирует.

(Например, в Праге, несмотря на то что скоростная магистраль проложена по оврагу на очень высоких опорах, дома XIX века, расположенные под ней, приходят в упадок.)

Здания эпохи конструктивизма, как гражданские, так и промышленные, которые в начале XX столетия претендовали на революционность, а также застройка 60–90-х годов рядом с 50-этажными гигантами утратили весь свой пафос. (С каким энтузиазмом конструктивисты писали в пояснительных записках о домах-пилах, взрезающихся в пространство и ломающих «скучную» линию фасадов, вытянувшихся по красной линии, как прогрессивно выглядели мельниковские клубы, «выстреливающие в пространство консольными объемами»!) Они выросли в городскую ткань и кажутся милыми свидетельствами эпохи острых деклараций и полемик, породившей «интернациональный стиль».

Но даже обрастая панельными окраинами и промышленными зонами, города, которым было что сохранять от предшествующих эпох, еще держались, до того момента, пока стеклянные монстры не посягнули на исторически сложившуюся

систему вертикальных доминант и пока не стали строиться скоростные магистрали на эстакадах.

Сегодняшняя «стеклянная революция» несопоставима по масштабам беспорядка, привнесенного в городскую среду, ни с одной архитектурно-градостроительной катастрофой. Сколько простоят эти стеклянные этажерки? Сто, двести, триста лет? Этого пока не знает никто. Но то, что они сделали городскую ткань прошлого хрупкой и уязвимой и нарушили архитектурно-художественный баланс исторических городов, — факт несомненный.

Но городским жителям с психологией странников-потребителей все равно. Они смирились с тем, что уходят в небытие материальные свидетельства прошлого их родных городов. Есть, конечно, Лондон, Париж, Рим, Прага. Там приятно и тепло. Там среда обитания если и имеет черты хаоса, то хаос этот создается за счет исторических напластований, которые бережно сохраняются. В Прагу или Париж можно съездить на десять дней, чтобы потом вернуться и вновь сесть за компьютер и окунуться с головой в привычный, родной виртуальный мир.

В России же Москва, Петербург, Нижний Новгород, Екатеринбург стремительно идут по пути «прогресса». Как грибы там растут здания сомнительной архитектуры. (Сомнительной, конечно, с точки зрения человека, имеющего некий культурный багаж, который для сегодняшнего поколения тридцатилетних слишком тяжел и неудобен. Этакий чемодан без ручки.)

Здания, которые появились в последнее время, конечно, устраивают заказчиков и потребителей нового поколения, образ жизни и ценности которых сформировались не без воздействия виртуального мира интернета, телевизионной рекламы, сериалов и пр. Иначе зачем было делать революцию?

Можно предположить, что упорядоченность и ясность, которая в некие незапамятные, почти «античные» времена была свойственна городской среде, все больше смещаются в виртуальную область, тогда как материальная жизнь все больше погружается в хаос.

Но вернемся к фильму Тарковского «Солярис». Неважно, где снял картины мегаполиса режиссер, была ли это студийная или натурная съемка. Важно то предчувствие ускорения информационного потока и переосмысления понятий порядка и хаоса, которые есть в этом фильме.

Уходят некие ценности из сознания, уходят они и из материальной жизни. Плач по погибшим архитектурным шедеврам можно переложить на музыку и исполнять в Teatro San Carlo, в Неаполе, для избранных, которые придут на представление во фраках, вечерних платьях и бриллиантах, вздыхая о тех незабвенных временах, когда Неаполь был еще чист и не испан отравительными граффити. Впрочем, эти граффити приезжают изучать апологеты современного искусства.

Елена Багина
Фото Сергея Астапова /
Elena Bagina
Photo by Sergey Astapov

